

Возил Владимир Владимирович

ИДЕЙНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И. В. КИРЕЕВСКОГО

В статье рассматривается идейная эволюция выдающегося представителя русской общественной мысли И. В. Киреевского и его место в идейно-политической борьбе в России во второй четверти XIX века. Идейно-политические взгляды характеризуются как промежуточные между умеренными западниками и славянофилами, поскольку он стремился к сближению традиций европейской образованности и особенностей отечественного исторического развития.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-2/7.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. II. С. 32-34. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47)

В статье рассматривается идейная эволюция выдающегося представителя русской общественной мысли И. В. Киреевского и его место в идейно-политической борьбе в России во второй четверти XIX века. Идейно-политические взгляды характеризуются как промежуточные между умеренными западниками и славянофилами, поскольку он стремился к сближению традиций европейской образованности и особенностей отечественного исторического развития.

Ключевые слова и фразы: И. В. Киреевский; славянофильство; западничество; либерализм; образованность.

Владимир Владимирович Возилов, к.и.н.

Кафедра отечественной средневековой и новой истории

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

vozilov@list.ru

ИДЕЙНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И. В. КИРЕЕВСКОГО©

Одним из представителей русского западничества традиционно считается И. В. Киреевский. В юности Киреевский сближился с кружком «архивных юношей» (Д. В. Венивитинов, В. П. Титов, С. П. Шевырев и другие), который составил основу «Общества любомудрия». По воспоминаниям А. И. Кошелева, они «толковали о политике и о том, что необходимо произвести в России перемену в образе правления», близко к сердцу приняли события 14 декабря, готовясь «примкнуть к мятежникам» в их предполагаемом «победоносном шествии через Москву на Петербург», тяжело переживали приговор участникам заговора [3, с. 392-393].

Эволюция взглядов И. В. Киреевского после декабрьских событий по-разному оценивалась исследователями. Для характеристики его мировоззренческой позиции обычно приводится письмо к А. И. Кошелеву, написанное в августе-сентябре 1827 года, где говорилось следующее: «Мы возвратим права истинной религии, изящное согласим с нравственностью, возбудим любовь к правде, глупый либерализм заменим уважением законов и чистоту жизни возвысим над чистотою слога». По сути, в этой фразе выражалась квинтэссенция его взглядов, получивших развитие в «Европейце» и более поздних статьях. В письме к Кошелеву есть и еще одна фраза, вызывающая интерес: «Не думай, однако же, - пишет Киреевский, - чтобы я забыл, что я Русский, и не считал себя обязанным действовать для блага своего отечества. Нет! Все силы мои посвящены ему. Но мне кажется, что вне службы - я могу быть ему полезнее, нежели употребляя все время на службу. Я могу быть литератором, а содействовать к просвещению народа не есть ли величайшее благодеяние, которое можно ему сделать? На этом поприще мои действия не будут бесполезны; я могу это сказать без самонадеянности...» [Там же, с. 395-396]. Впервые в истории русской интеллигенции заявлялась позиция, в которой умственная деятельность, в частности на поприще литературном и идейно-просветительском, рассматривалась как вид служения народу.

В 1832 году Киреевский начал издавать журнал «Европеец», закрытый после выхода второго номера. Данный журнал оказался в центре двух важных общественных дискуссий своего времени: о литературной аристократии и истинном просвещении. Аристократический характер издания проявлялся не только в названии, но и в том, что к участию в нем были приглашены литераторы пушкинского круга. В центре внимания журнала оказался вопрос о просвещении России, характере европейской образованности, возможности западного влияния на русскую жизнь.

Свои идеи Киреевский изложил в программной статье «Девятнадцатый век». Задача статьи состояла в том, чтобы показать, чем век XIX-й отличается от века XVIII-го, отыскать суть происходящих изменений господствующего духа, найти в нравственном быте просвещенной Европы новое убеждение, которое составляет дух нового времени, а также особенности изменения господствующего направления европеизма. Рассматривая изменения, происшедшие в европейском сознании после Французской революции, несущей разрушительное и отрицательное начало, и последовавшей контрреволюции, автор указывал новое направление европейской образованности: сближение жизни с развитием человеческого духа в литературе, сближение круга умозрительных наук с жизнью в философии, требование большего сближения религии с жизнью людей и народов. Общий его вывод: «Характер просвещения в Европе становится практическим. Человек нашего времени уже не смотрит на жизнь как на простое условие развития духовного, но видит в ней вместе и средство, и цель бытия, вершину и корень всех отраслей умственного и сердечного просвещения» [1, с. 5-20; 2].

Во второй части статьи Киреевского, так и не опубликованной, предполагалось обратиться к просвещению России и посмотреть, как отражалась на ней жизнь просвещения европейского. По его мнению, «какая-то китайская стена стоит между Россией и Европою и только сквозь некоторые отверстия пропускает к нам воздух просвещенного Запада; стена, в которой великий Петр ударом сильной руки пробил широкие двери; стена, которую Екатерина долго старалась разрушить, которая ежедневно разрушается более и более, но, несмотря на то, все еще стоит высоко и мешая». И. В. Киреевский считал, что просвещение России только начинается, а главный недостаток образованности происходит от недостатка связи с классическим миром.

Для него просвещение в истинном смысле сего слова есть не отдельное развитие нашей особенности, но участие в общей жизни просвещенного мира: «Вот отчего просвещение каждого народа измеряется не суммою его познаний, не сомкнутым развитием его национальности, не утонченностью и сложностью той машины, которую называют *гражданственностью*, но единственно участием его в просвещении всего человечества, тем местом, которое он занимает в общем ходе человеческого развития». Такое просвещение в России начинается со времени Минина и Пожарского, затем при Алексее Михайловиче, Петре I и Екатерине II. И. В. Киреевский выступал против мнения, что Петр дал ложное направление русской образованности, заимствуя ее из просвещенной Европы, а не развития нашего быта. Говоря о современной ему ситуации, Киреевский предлагал заимствовать новое европейское просвещение, которое уже преодолело старый опыт, что позволяет непосредственно применять его к своему настоящему быту [1, с. 303-320].

Еще более резко свой взгляд на заимствование европейской образованности Киреевский выразил в статье «Горе от ума»: «Но странность нашей подражательности пройдет при большем распространении просвещения, а просвещение у нас распространиться не может иначе, как вместе с распространением иностранного образа жизни, иностранного платья, иностранных обычаев, которые сближают нас с Европою *физически* и, следовательно, способствуют и к нашему нравственному и просвещенному сближению. Ибо, кто не знает, какое влияние имеет наружное устройство жизни на характер образованности вообще? Нам нечего бояться утратить своей национальности: наша религия, наши исторические воспоминания, наше географическое положение, вся совокупность нашего быта столь отличны от остальной Европы, что нам физически невозможно сделаться ни французами, ни англичанами, ни немцами. Но до сих пор национальность наша была национальность необразованная, грубая, китайски-неподвижная. Просветить ее, возвысить, дать ей жизнь и силу развития может только влияние чужеземное; и как до сих пор все просвещение наше заимствовано извне, так только извне можем мы заимствовать его и теперь, и до тех пор, покуда поравняемся с остальною Европою. Там, где *общеевропейское* совпадает с нашею *особенностью*, там рождается просвещение истинное русское, образованно-национальное, твердое, живое, глубокое и богатое благодетельными последствиями. Вот отчего наша любовь к иностранному может иногда казаться смешною, но никогда не должна возбуждать негодования; ибо, более или менее, посредственно или непосредственно, она всегда ведет за собой просвещение и успех, и в самих заблуждениях своих не столько вредна, сколько полезна» [Там же, с. 108-109].

Столь резкие высказывания стали причиной закрытия журнала. В известном письме А. Х. Бенкендорфа к К. Л. Ливену говорилось: «Но стоит обратить только некоторое внимание, чтоб видеть, что сочинитель, рассуждая будто бы о литературе, разумеет совсем иное, что под словом *просвещение* он понимает *свободу*, что *деятельность разума* означает у него *революцию*, а *искусно отысканная середина* не что иное, как *конституцию*. Посему его величество изволит находить, что статья сия не долженствовала быть дозволена в журнале литературном... Далее, в той же книжке “Европейца” государь император изволил заметить в статье “Горе от ума” самую неприличную и непристойную выходку на счет находящихся в России иностранцев...» [3, с. 428]. Следует отметить, что идеи Киреевского, как и ранее идеи Чаадаева, были слишком прямолинейно истолкованы многими современниками, а потому следует более подробно остановиться на его идейной позиции.

Явным преувеличением в некоторых исследованиях является мнение о либерализме Киреевского. Напротив, Л. Г. Фризман отмечает, что Киреевский не мыслил иного развития России, как под эгидой просвещенного монарха [Там же, с. 406]. Призывы Киреевского заимствовать европейскую образованность имели технократический смысл: заимствовать лучшее, чтобы не повторять чужих ошибок. В одной из ранних своих статей он писал: «Но чужие мысли полезны только для развития собственных. Философия немецкая вкочениться у нас не может. *Наша* философия должна развиваться из *нашей* жизни, создаться из текущих вопросов, из господствующих интересов *нашего* народного и частного быта» [Там же]. Таким образом, позиция Киреевского может быть осторожно названа как промежуточная между умеренными западниками и славянофилами. Он продолжал традиции русских просветителей-западников (хотя это название будет достаточно условно применительно к нему) XVIII столетия.

В последующие годы, несмотря на определенные разногласия, начинается сближение Киреевского со славянофилами; в 1845 году он возглавил «Москвитянин». В статье «В ответ А. С. Хомякову» на статью Хомякова «О старом и новом» (1839 г.) Киреевский писал: «Сколько бы мы ни были врагами западного просвещения, западных обычаев и т.п., но можно ли без сумасшествия думать, что когда-нибудь, какою-нибудь силою истребится в России память всего того, что она получила от Европы в продолжение двухсот лет». При этом в европейском просвещении он видит гибельный примат рациональности, а Россия же, хотя и «не блестела ни художествами, ни учеными изобретениями, не имея времени развиваться в этом отношении самобытно и не принимая чужого развития, основанного на ложном взгляде и потому враждебного ее христианскому духу», сохранила философию христианства, «которая одна может дать правильное основание наукам». Не Россия достигнет образованности, заимствуя ее на Западе, а наоборот: Запад, если бы он «изучил нашу церковь поглубже», пришел бы к убеждению, «что в ней совсем неожиданно открывается именно то, чего теперь требует просвещение Европы» [Там же, с. 466-467]. Эти идеи сближали Киреевского с позднейшими умозаключениями Чаадаева.

Позже в «Москвитянине» Киреевский выступил и против мнения, «что полнейшее усвоение иноземной образованности может со временем пересоздать всего русского человека», и против противоположной позиции, которая «заключается в безотчетном поклонении прошедшим формам нашей старины» и возможности изгладить новоприобретенное европейское просвещение «из нашей умственной жизни развитием нашей

особенной образованности». По его мнению, бесполезны споры о превосходстве Запада или России, т.к. «новые требования европейского ума и наши коронные убеждения» сливаются «в одно стремление к живому, полному, всечеловеческому и истинно-христианскому просвещению». Поэтому «начало нашей православно-словенской образованности... должно служить необходимым дополнением образованности европейской», а образованность европейская - «явиться новым возбуждательным средством к развитию нашей умственной деятельности» [Там же, с. 472-473].

Таким образом, Иван Киреевский занимал важную в эволюции русской интеллигенции идейную позицию: оставаясь русским мыслителем, он искал сближения традиций европейской образованности и особенностей отечественного исторического развития, выдвигая одну из задач деятельности отечественной интеллигенции - работу по просвещению народа.

Список литературы

1. **Европеец:** журнал И. В. Киреевского (1832) / подг. Л. Г. Фризман. М.: Наука, 1989. 536 с.
2. **Киреевский И. В.** Полн. собр. соч.: в 2-х т. М.: Путь, 1911.
3. **Фризман Л. Г.** Иван Киреевский и его журнал «Европеец» // Европеец: журнал И. В. Киреевского (1832). М.: Наука, 1989. С. 385-479.

I. V. KIREEVSKII'S IDEOLOGICAL EVOLUTION

Vladimir Vladimirovich Vozilov, Ph. D. in History
Department of Native Medieval and New History
Yaroslavl' State University named after P. G. Demidov
vozilov@list.ru

The author considers the ideological evolution of the outstanding representative of Russian public ideas I. V. Kireevskii and his place in Russian ideological-political struggle in the second quarter of the XIXth century. His ideological-political views are characterized as transitional ones between moderate Westernists and Slavophiles' ones as he tended to the harmonization of European scholarship traditions and native historical development peculiarities.

Key words and phrases: I. V. Kireevskii; Slavophilism; Westernism; liberalism; scholarship.

УДК 94(47)

Статья посвящена актуальной проблеме изучения правового нигилизма российской интеллигенции. Авторы подходят к решению данного вопроса с выявления общетеоретических аспектов исследования правового нигилизма.

Ключевые слова и фразы: правовой нигилизм; интеллигенция; преодоление нигилизма; общественный кризис.

Владимир Владимирович Возилов, к.и.н.

Кафедра отечественной средневековой и новой истории
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
vozilov@list.ru

Сергей Юрьевич Назаров

Кафедра философии и религиоведения
Шуйский государственный педагогический университет
yurnazarov@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ©

В последние годы большую актуальность приобрела проблема нигилизма как фактора эволюции современной цивилизации. Нигилизм представляет собой общемировоззренческий принцип отрицания бытия вообще и социального (общественного) бытия в особенности. Абстрактно-философский принцип отрицания находит свое конкретно-историческое выражение в разное время и в разных культурах в государственно-правовом, религиозном, нравственно-этическом, гносеологическом нигилизме. Многочисленные факты нигилистической деятельности детерминированы процессами социально-экономических, политических и идеологических трансформаций, протекающих в обществе. Это подтверждает известное мнение о том, что нигилизм как принцип мировоззрения и правосознания порождается объективными условиями развития социума и является специфическим феноменом исторического процесса.